

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Л. Н. ГУМИЛЕВ АТЫНДАҒЫ
ЕУРАЗИЯ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ
ЕВРАЗИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Л. Н. ГУМИЛЕВА
GUMILYOV EURASIAN
NATIONAL UNIVERSITY

Студенттер мен жас ғалымдардың
«Ғылым және білім - 2015»
атты X Халықаралық ғылыми конференциясының
БАЯНДАМАЛАР ЖИНАҒЫ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
X Международной научной конференции
студентов и молодых ученых
«Наука и образование - 2015»

PROCEEDINGS
of the X International Scientific Conference
for students and young scholars
«Science and education - 2015»

УДК 001:37.0
ББК72+74.04
Ғ 96

Ғ96

«Ғылым және білім – 2015» атты студенттер мен жас ғалымдардың X Халық. ғыл. конф. = X Межд. науч. конф. студентов и молодых ученых «Наука и образование - 2015» = The X International Scientific Conference for students and young scholars «Science and education - 2015». – Астана: <http://www.eni.kz/ru/nauka/nauka-i-obrazovanie-2015/>, 2015. – 7419 стр. қазақша, орысша, ағылшынша.

ISBN 978-9965-31-695-1

Жинаққа студенттердің, магистранттардың, докторанттардың және жас ғалымдардың жаратылыстану-техникалық және гуманитарлық ғылымдардың өзекті мәселелері бойынша баяндамалары енгізілген.

The proceedings are the papers of students, undergraduates, doctoral students and young researchers on topical issues of natural and technical sciences and humanities.

В сборник вошли доклады студентов, магистрантов, докторантов и молодых ученых по актуальным вопросам естественно-технических и гуманитарных наук.

УДК 001:37.0
ББК 72+74.04

ISBN 978-9965-31-695-1

©Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия
ұлттық университеті, 2015

- текст как единица обучения речевой деятельности;
- текст как образец функционально-смыслового типа высказывания;
- текст как средство создания культурно-информационного контекста общения.

Следовательно, учебный текст должен включать такие составляющие, благодаря которым деятельность учащегося мотивируется, программируется и реализуется, приводя, к достижению целей, поставленных в процессе изучения предмета. Итак, все сказанное выше дает нам право утверждать, что учебный текст является, во-первых, одной из доминирующих содержательных единиц обучения, т.к. он выполняет важнейшие образовательные, воспитательные и развивающие задачи. Во-вторых, учебный текст также является и составляющей учебного дискурса, т.к. в учебном дискурсе два участника – учащийся и учебный текст. Учебный текст, являясь внешним материальным носителем содержания образования, поэтому он должен быть одновременно и организатором процесса усвоения этого содержания. Таким образом, в процессе восприятия этнокультурного материала учебника по русскому языку и разнообразных форм работы с ним ученик усваивает этнокультуроведческие знания, способствующие развитию чувства гордости и удовлетворения от осознания принадлежности к тому или иному народу, и, что самое важное, это формирует основу для позитивного межэтнического взаимодействия, что приобретает особую актуальность в современной действительности.

Межкультурное общение, уважение к культурным ценностям народов проживающих в стране, толерантность являются одними из определяющих факторов целостности, конкурентоспособности такой полиэтнической страны, как Казахстан. В связи с этим одной из главных задач школы является формирование этических ценностей, высокой культуры школьника, умеющего грамотно и адекватно формулировать и высказывать свои мысли в межкультурной среде, терпеливо и уважительно относиться к мнениям окружающих. Реализация данных приоритетов осуществляется непосредственно через учебники, неотъемлемой частью которых должны быть этнокультурные компоненты.

Список использованных источников

1. Агманова А.Е., Рахимбекова М.К. Роль учебно-методической литературы в процессе усвоения русского языка студентами-оралманами // Актуальные проблемы преподавания русского языка и литературы в Казахстане: материалы X Осенней школы русистики. Москва, 2013. – С. 18-24
2. Крысько В.Г. Этнопсихологический словарь // Электронный ресурс.
URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/1067/word/yetnokulturnaja-kompetentnost>
3. Сулейменова Э.Д., Сабитова З.К. Русский язык. 9 класс. Алматы: Атамұра, 2009. – 304 с.
4. Шманова Н.Н. и др. Русская речь. 9 класс. Алматы: Мектеп, 2005. – 272с.
5. Агманова А.Е. Реализация предикационных знаний в тексте // Текст в системе обучения русскому языку и литературе. – Астана, 2009. – С. 6-12.

УДК 81'246.2

ОБРАЗНОЕ ВОСПРИЯТИЕ МИРА ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ РАЗНЫХ ЯЗЫКОВЫХ КУЛЬТУР

Сұңқар Ислам Еркінұлы

Islam_sunkarov@mail.ru

Студент ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Научный руководитель – Ж.Т. Еркекова

В условиях глобализации, распространения массовой культуры, всеобщей модернизации язык становится важным этнодифференцирующим фактором. У

представителей разных языковых культур формируются различные картины мира. Своеобразие языков, в частности казахского и русского, заключается в различии когнитивных баз, сформированных этносами в процессе восприятия и освоения мира, ведения специфической хозяйственной и трудовой деятельности, существования на разных экологических ландшафтах. В этом проявляется специфика человеческого восприятия мира, зафиксированного в языке.

Поскольку «в основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем, сознание человека всегда этнически обусловлено» [4: 20]. В научных трудах Г. И. Богина, В.З. Демьянкова, А.А. Залевской, В.В. Знакова, Ю.Н. Караулова, И.А. Стернина, Е.Ф. Тарасова отмечаются характерные черты языкового сознания. Огромное значение имеет описание национально-специфических особенностей языковой картины мира, этнолингвокультур (Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина, Б.А. Серебrenников, А.А. Уфимцева, А. Д. Шмелев), а также соотношения языка и национального сознания, национального образа мира (Н. Д. Арутюнова, У.М. Бахтикиреева, В.Г. Гак, Г.П. Мельников, А.А. Мельникова, Т.Е. Смыковская, Н.В. Уфимцева, Н.Ж. Шаймерденова).

Анализ осуществлялся на материале произведений казахских и русских писателей, поскольку именно в художественном произведении актуализируются все аспекты речемыслительной деятельности индивида. Фактическим материалом послужил роман-эпопея всемирно известного представителя казахской литературы М.О. Ауэзова «Путь Абая» [1] и роман «Тихий Дон» русского народного писателя М. Шолохова [].

Казахский и русский народы являются не просто географическими соседями, но связаны политически, экономически, общность отразилась и в языке, ментальности, культуре общения. Нами предпринята попытка проанализировать образы сознания представителей казахского и русского народов. Именно образы служат символами действий, фактов и мифов, этикетами привычек и ритуалов, передающих национальную духовность, историческую память, мировосприятие представителей разных лингвокультур.

Цель статьи – определить сходство и различие созданных художественных образов. Образ – это категория сознания, а не действительного мира. Несомненно, образ формируется при помощи определенных средств языка, которые способствуют неадекватному представлению воспринимаемого мира. Мы обнаружили, что гипотеза Ю.Н. Караулова, Н.В. Павлович относительно общности образного мышления каждого создателя произведения искусства подтверждается художественными образами казахского писателя. Казахских и русских писателей сближает способность ассоциативно связывать предметы и явления окружающего мира, умение видеть общие признаки, качества у разных предметов в результате общности или близости впечатлений от них. Так, наиболее продуктивная парадигма образа «человек – лошадь» является инвариантом эксплицитного лексического ряда: *конь, кобыла, жеребенок, стригунок*, имплицитного – *строптивый, необузданный, вздыбный, узда, ускакать*.

В общепсихологическом плане и в проективной психологии лошадь воплощает импульсивность, неудержимость желаний, инстинктивные влечения, выступающие движущими факторами человеческого поведения. Потому словесные образы в казахской и русской литературе имеют много общего: «*Строптивых* Кунанбай наказывал», «натура *необузданная*, грубая, раздражительная» (характер), «постараются скинуть Кунанбая *с коня*» (с должности), «вместе с ним и мы будем *на коне*» (в чести), «ненавистная брачная *узда*» (неволя), «ты *ускакал* совсем в другую степь» (заблуждение).

Лошадь в казахской степи играла важную роль в развитии цивилизации как самое красивое, приспособленное к быстрому и продолжительному бегу, полезное в хозяйстве животное. Гордый всадник на скачущем боевом коне – символ того, что человек серьезных устремлений и наделенный определенными качествами, а своим положением обязан только самому себе, своим достоинствам.

В русской литературе встречается идентификация человека с лошадью, выполняющей

физическую работу, присуща людям, измученным работой, трудом, добросовестным, приземленным, но часто считающими себя главным тружеником семьи, которого все используют в своих целях: *«За две недели вымотался он, как лошадь, сделавшая непосильный пробег»*. В казахской литературе таких отождествлений не встретилось.

В то же время язык казахского автора кодирует и транслирует родную культуру в тексте, где отражается национальное сознание, своеобразное осмысление действительности: *О, богиня, Умай, всей сутью женичины и матери молю, благослови каждый шаг моего жеребенка* (о ребенке). Парадигмы образов «время – конь»: *Время привязывания кобыл на дойку предваряло час, когда все садились пить кумыс*; «пространство – конь»: *Жирение подозвал Байгулака, Абралы, Байдильду, и все семеро незаметно отделились от толпы и повернули к могиле Кенгирбая, находившейся на расстоянии бега стригуна* являются характерной особенностью кочевого народа.

Разнообразие ассоциаций, связанных с лошастью говорит о том уважении, которое испытывает человек к животному. И в казахской, и в русской степи котируются грациозные, быстрые и неутомимые скакуны, а также лошади, отличающиеся большой выносливостью и неприхотливостью.

При воплощении образа коня в казахском и русском языковом сознании обнаруживает себя ассоциативная связь «конь-человек». В обеих лингвокультурах в качестве ассоциата коня выступает человек – носитель состояния, ощущения, психического качества. Конкретный аспект характеристики в этом случае достигается актуализацией в семантической структуре образа коня соотносительных признаков психофизиологического плана. В рамках этой базовой ассоциации наблюдается достаточно широкий спектр актуализируемых смыслов, символов, которые характеризуют человека с точки зрения его состояния, ощущений, психофизиологических свойств (характера, темперамента, побуждений, поступков и т.д.). Имплицитно представленная информация требует анализа глубинного смысла текста.

Анализ фактического материала позволил сделать некоторые наблюдения. Идентичность ассоциативных связей языкового сознания казахов и русских проявляется, когда речь идет о человеке:

1) нетерпеливом, горячем, не умеющем сдерживать свои эмоции:

«Темное, словно чугунное, жирное лицо с вывернутыми раздувающимися ноздрями выставляло натуру необузданную, грубую, раздражительную» (о жене Божее) и

«- Ты не горячись, знаешь, куда ездят?», «Горячий он у нас(о Григории), как необъезженный конь»;

2) не терпящем подчинение, оказывающем сопротивление:

«Строптивых он (Кунанбай) наказывал тем, что лишал их доли в захватнической добыче, а непокорных укрощал силой»; *«Ему (Абая.) в последнее время почему-то хотелось спорить со старшими, словно некая подспудная строптивость затаилась в сердце»;* *«И Оспан с разбега заскочил на спину брата Смагула, тот едва удержался на ногах... -Хочешь скинуть меня! Ты что! Да Оспана утром не мог скинуть белый стригунок! Не брыкайся давай!»;*

3) тяготеющем несвободой:

«С этим именем (Дильды) связывалось у него (Абая.) представление о чужой навязанной воле, о ненавистной брачной узде и

«Нам от старины подальше, ато в такую упряжку запрягут, что хуже царской обозначится.- А править нами кто будет? – Сами! – оживился Подтелков.- Заберем свою власть – вот и правило. Лишь бы подпруги нам зараз чудок отпустили, а скинуть Калединых сумеется!»;

4) уставшем физически, обессиленном, подчинившемся воле сильного:

(Запрыгнув на спину брату...) «Усмиранный волей всадника, Смагул понесся в сторону Абая, проскакал мимо него и вместе с Оспаном ухнул в воду; «Через некоторое время Кунанбай, необычно для него печальный, как будто присмиривший, негромко продолжил:

«Человек – создание слабое и грешное...» и

«Боль в сердце становилась все горячее. На лбу у него выступила испарина. Он сошел с крыльца, испуганно прижимая к левой стороне груди ладонь, подумал: «Видно, укатили сивку крутые горки...»; -Здорово, атаманец! – **Трясило** добрый! **На нем бы четырехдюймовые возить!**»; Такой уж он **уморенный**, как, скажи, на нем воза возили»; «За две недели **вымотался он, как лошадь, сделавшая непосильный пробег**»;

5) свободном, свободолобивом, своенравном:

«Но **Дуняшка закусил удила**: она тоже побледнела от негодования и злости, уже переходя на крик, продолжала...»;

6) терпеливом, покорном:

На лице сохранилось целостным прежнее выражение **покорной замордованной лошади**»;

7) ощущаемом чувство общности с другими:

Он оглянулся, увидел за собой более сотни спешенных, редко рассыпавшихся по снежному склону балки бойцов и почувствовал себя уверенней, сильнее. В бою всегда сильно владело им, как и каждым, **табунное чувство**»;

8) обладающем властью, являющемся хозяином:

«Все они (соперники) вовсе не считают, что место ага-султана утеряно для них навсегда, нет! Они надеются занять его снова. И не перестанут подстерегать тебя (Кунанбая.)на каждом перевале, а теперь постараются, конечно, **стащить тебя с коня**»; (речь идет о собственности на землю) «- Е-е! Выходит, что **хозяин коня** теперь Акберды. Захочет- посадит позади себя, а не захочет – по шапке даст»; «- Если вы что-нибудь соображаете, то поймете – эта мечеть для нашего мырзы принесет много благ. А вместе с ним и **мы будем на коне**».

Модель воплощения образа коня реализуется в условиях экстерииоризации различных психических составляющих (эмоций, мыслей, ощущений и т.д.), т.е. их субстантивной номинации и, как следствие, представлении в качестве самостоятельных сущностей. Н.Д. Арутюнова считает, что мы «склонны экстерииоризировать ее составляющие – чувства, страсти, желания, волю, ум, рассудок, душу, сердце, совесть, стыд, мечты, веру, опыт, воспоминания, надежды, пороки, добродетели, раскаяние, страдание и др., представляя их не только как нечто отдельное от нас, но и как нечто вступающее с нашим «я» в определенные дружеские или враждебные отношения...».

Например, экстерииоризованные составляющие личности могут стать непосредственными ассоциатами образа коня:

«Стоило на минуту снять **узд**у с услужливой **памяти**, и перед его глазами вставала живая, улыбающаяся **Наталья**» (конь-память);

«**Гордость**, не позволявшая ей, отверженной, оставаться в Ягодном, **встала в ней на дыбы**. Неподвластная ей воля направляла слова ее и поступки» (конь-гордость).

Анализ показал, что семантический потенциал образа «конь» в языковом сознании казахов и русских реализуется в ассоциативном функционировании и определяется не только объемом человеческих знаний о соответствующей реалии, но и особенностями социально-культурной парадигмы.

Многообразие смыслов, которые могут быть эксплицированы конкретным образом в его ассоциативном использовании, не поддается исчерпывающей репрезентации: они целиком определяются свойствами реалии в ее восприятии человеком в самых разных ситуациях, эта тенденция обеспечивает широту диапазона семантического варьирования образа.

В художественно-поэтических образах, как видим, можно черпать сведения о культуре и менталитете народа, они всегда косвенно отражают воззрения народа, общественный строй, идеологию своей эпохи. Культурно-художественная значимость даже отдельно взятой парадигмы образов «глаза – животное, огонь, предмет, пространство, вода, растение» проясняет невидимый миру духовно-душевный статус героев.

Таким образом, парадигма образов – это специфический лингвокультурологический «мостик» между бытием и сознанием, миром в материальном, объективном существовании и его образом – языковой картиной, выраженной в смысловом пространстве литературного произведения, художественном мире писателя. Полагаем, сопоставительный анализ словесных ассоциаций с конем у казахских, русских творцов слова может стать предметом дальнейших исследований.

Список использованных источников

1. Ауэзов М. Путь Абая / Пер. А.Кима.- Алматы: ИД «Жибек жолы», 2007. Кн 1.- 470 с.
2. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры.- М.: Прогресс, 1990.- С.5-33: 10)
3. Арутюнова Н.Д. Образ (опыт концептуального анализа) // Референция и проблемы текстообразования.-М.: Наука, 1988.-С 117-130
4. Бахтикиреева У.М. Творческая билингвальная личность: русскоязычный национальный писатель и особенности его русского художественного текста.- М., 2005.-192 с.
5. Федоров А.И. Образная речь.- Новосибирск: Наука, 1985.- 118 с.
6. Шолохов М.В.Тихий Дон. М.: Молодая гвардия, 1980. 256 с.

УДК 81-2

ЛЕКСЕМА «САНДЫК (СУНДУК)» В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Талипова Гульназ Анасовна

anasowna.g@yandex.ru

Студентка Института филологии и межкультурной коммуникации
Казанского (Приволжского) федерального университета, Казань, Татарстан

Мухарлямова Лилия Рашидовна

mukharlyamova@mail.ru

Доцент Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского
(Приволжского) федерального университета, Казань, Татарстан

В современном мире, характеризующемся техническим ростом, развитием информационных технологий и разнообразием инноваций, традиционные национальные бытовые принадлежности, ценности, традиции, обряды постепенно переходят на второй план. Информатизация, с одной стороны, имеет положительное влияние на жизнь и культуру современного общества, общество прогрессирует на мировом рынке благодаря новым разработкам в сфере информационных технологий, однако, в то же время наши духовные ценности теряются, забываются и перестают являться частью культуры. Данная статья, связанная с этой проблемой, посвящена лингвокультурологическому значению слова «сандык (сундук)» в татарском языке, функционированию данной лексики в паремиологическом фонде и фольклоре татарского языка, а также репрезентации лексики и понятия «сандык» в других языках.

В толковом словаре Д.Н. Ушакова слову «сундук» дается следующее определение: «это ящик с крышкою на петлях и замком, обычно окованный и со скобами, для хранения вещей» [3: 627]. Этимология данного слова происходит от тюркских языков, оно было заимствовано в русский язык не позднее XV века. Также в некоторых источниках можно встретить, что «сандык / сундук» по своему происхождению является татарским словом [2: 532].

В татарской культуре сандык является особой бытовой принадлежностью. По свадебным традициям татарского народа, невеста должна собирать, складывать приданое в